

ИСЛАМ И ПРАВО

УДК 348.97:343.3/7

М.А.А. Аль-Баити

Некоторые аспекты субъективной стороны состава преступления по мусульманскому уголовному праву

Дагестанский государственный университет; dr_m1967@yahoo.com

В последние годы российские и зарубежные исследователи все чаще обращаются к изучению мусульманского уголовного права. Интерес к этой проблематике представляется вполне закономерным, если учесть большое влияние, которое оказало мусульманское право на историю государства и права целого ряда стран мира. В данной статье мы попытаемся провести сравнительно-правовое исследование вины – одного из основных признаков субъективной стороны преступления по уголовному праву Йемена, Ливана, Сирии, Египта, Иордании, России и других стран.

К источникам шариата и, следовательно, мусульманского уголовного права относятся Коран, сунна, кияс, иджма и урф. Шариат служит как формальным источником уголовного права, так и материальным. В тех странах, где нет кодифицированного законодательства (Саудовская Аравия), а также там, где шариат получает официальное признание (Объединенные Арабские Эмираты), он действует как формальный источник. Материальным источником уголовного права он является в странах, кодексы которых содержат нормы, заимствованные из шариата (Судан, Йемен). Обязательность соответствия законодательства (в т. ч. и уголовного) нормам ислама закреплена в ряде мусульманских государств на конституционном уровне: например, Конституция Ирана 1980 г. в ст. 4 провозгласила, что уголовные законы страны должны соответствовать принципам ислама и при установлении ответственности за уголовные преступления следует применять нормы шариата (ст. 156)[1].

В настоящее время мусульманское деликтное (уголовное) право сохранилось в своем традиционном виде в Саудовской Аравии, Йемене, Судане и частично в Объединенных Арабских Эмиратах. В Конституции Йемена (ст. 2,3) говорится, что ислам является государственной религией, а шариат – основным источником законодательства, в т. ч. и уголовного. Из этого можно сделать вывод, что ответственность за преступления по уголовному кодексу Йеменской Республики (далее – УК ЙР) должна определяться на основе шариата [2].

Если источниками уголовного права Бахрейна являются Конституция и уголовный кодекс, то в Объединенных Арабских Эмиратах (далее – ОАЭ) к ним присоединяется и шариат. Дело в том, что УК ОАЭ 1987 г. предусматривает ответственность только за преступления категории «тазир», а ответственность за наиболее опасные преступления – «худдуд», «кисас» и «дийа» наступает по нормам мусульманского права, основанного на шариате [3]. Можно констатировать, что в ОАЭ действует смешанная система источников уголовного права.

Ученые-исламисты отмечают несовершенство системы уголовного права в исламе [4]. Это происходит из-за того, что в разных странах и разных богословских школах отдается предпочтение тем или иным источникам права. Исследователи, определяя понятие преступления в исламе, единодушны в том, что в мусульманском уголовном праве тождественны понятия преступления и греха, а все оценки поведения и проступков человека, суждения о них носят религиозную окраску [4].

Но главным же принципом, исходящим из религиозной доктрины, признан принцип справедливости. Вся деятельность человека взвешивается, для поощрения и наказания учитывается каждый его малейший проступок, и никакое поощрение, а тем более наказание не будет применяться без оснований.

Рассмотрим некоторые особенности основных признаков субъективной стороны состава преступления по мусульманскому уголовному праву.

Преступление рассматривается как совершение запрещенного и наказуемого Аллахом деяния, так как по шариату все поступки и даже мысли людей предопределяются, в конечном счете, волей Аллаха [5]. Уголовные преступления, как и другие запретные, порицаемые и неодобряемые поступки, определяются шариатом как нарушение «границ Аллаха» (худуд Аллаха). Все исследователи единодушны в том, что различия между моралью и правом, которые существуют в других системах права, в мусульманском праве не проводятся [6]. В мусульманском уголовном праве совпадают понятия «грех» и «преступление». Защита религиозных устоев – основная задача мусульманского уголовного права. Преступление есть не только нарушение закона государства, но и серьезный религиозный проступок. Мусульманин знает, что, совершая преступление, он не только преступает запрет, установленный государством, но и совершает религиозно порицаемое, аморальное деяние, за которое он может понести наказание не только в этом мире, но и в загробной жизни.

В мусульманском уголовном праве преступления делятся на три основных категории – хадд, кисас и тазир.

Преступность деяний, подпадающих под перечисленные категории, нередко прямо установлена в уголовном законодательстве государств мусульманской системы. С другой стороны, существуют ситуации, когда уголовный закон содержит только определение относительно преступления категории «тазир», а ответственность за преступления категории «хадд» и «кисас» возлагается в соответствии с нормами неcodифицированного мусульманского права (например, в ст. 1 УК Объединенных Арабских Эмиратов 1987 г.).

Уголовно-правовой доктрине большинства мусульманских (в первую очередь арабских) стран неизвестно понятие общего состава преступления. Под влиянием европейского континентального (преимущественно французского) уголовного права в исламской юридической литературе используются понятия «элементы преступления, составляющие каждое отдельное преступление», и «элементы, присущие всем без исключения преступлениям». Согласно статье 2 Уголовного закона Исламской Республики Иран (далее – ИРИ), любое действие или бездействие, для которого в законе предусмотрено наказание, является преступлением. Отмечается, что в данном определении не раскрываются критерии понятия преступления. Данная формулировка преступления позволяет определять круг деяний, попадающих под уголовный запрет, т. е. обеспечивает справедливость правосудия. Однако такое определение не раскрывает формальную и материальную стороны преступления. На этой основе выделяются следующие признаки преступления (по уголовному праву ИРИ):

- 1) преступление – это воля человека, которая выражается в действии или бездействии;
- 2) преступление – это религиозный грех, нарушающий законы Бога;
- 3) преступление – это деяние, посягающее на интересы общества и его членов [7].

В уголовном праве Йемена и других арабских стран также отсутствует понятие состава преступления. Основанием уголовной ответственности за совершение любого преступления является наличие совокупности трех элементов: легального, материального и морального, которые появились в этих странах под влиянием французской концепции уголовного права. То же самое происходит в уголовном законодательстве и правовой доктрине Иордании, Бахрейна и Объединенных Арабских Эмиратов, считающими, что общими элементами преступления также являются легальный, материальный и моральный.

Обязательными составляющими материального элемента преступного деяния яв-

ляются само деяние, его результат и причинная связь. К *обязательным факторам морального элемента* преступного деяния относятся вина, возраст субъекта уголовной ответственности, вменяемость [8]. Особое значение в характеристике субъективного (морального) элемента имеют мотив и цель. Мотив как побуждение, которым руководствовалось лицо, совершая преступление, по существу лежит в основе любого поведения, придавая этому поведению определенный смысл и социальную окраску. Поэтому не случайно в правовой литературе стран, придерживающихся континентальной системы, моральный элемент определяется как намерение и мотив. Мотив лежит в моральной сфере. От характера мотива зависит не только содержание вины, но и нравственно-этическая оценка деяния. Если нет специального указания в законе, то мотив совершения деяния не должен влиять на квалификацию преступления и размер наказания. Однако в Ливанском и Сирийском кодексах имеется положение о том, что честные или благородные мотивы смягчают наказание, а позорные или низменные отягчают. Наиболее распространенными низменными мотивами совершения преступления являются месть, корысть, ревность и другие. Следует отметить, что в УК Иордании и УК Палестины мотив не рассматривается как обстоятельство, отягчающее ответственность.

Рассмотрим более подробно элементы субъективной стороны состава преступления по мусульманскому уголовному праву. Например, для Суданского уголовного права не дано определение понятия состава преступления. В судебной практике и уголовно-правовой литературе принято считать, что для привлечения лица к уголовной ответственности необходимо установить наличие двух конститутивных элементов преступления: *actus reus* (преступное деяние) и *mens rea* (виновное состояние). Если *actus reus* представляет собой внешнюю (объективную) сторону преступного деяния, то *mens rea* – это его внутренняя характеристика, прежде всего вина. В уголовном законодательстве Судана, в отличие от уголовных кодексов Ливана, Эфиопии, Сомали и Камеруна, нет ни общего определения вины, ни определения ее форм. Такое положение дает судье возможность действовать на свое усмотрение следствием чего является неопределенность и казуистичность в решении подчас довольно сложных вопросов вины.

По российскому законодательству, субъективная сторона – это обязательный элемент состава преступления. Принцип вины является одним из главных принципов уголовного права РФ. Субъективная сторона включает обязательный элемент – вину и факультативные – мотив, цель, эмоции. Вина представляет собой определенное внутреннее психическое отношение лица к тому деянию, которое оно совершило, и к его реальным или возможным последствиям. Преступным признаётся деяние, совершённое умышленно (т. е. осознанно, при наличии понимания вредного характера причиняемых деянием последствий) либо вследствие преступной неосторожности, т. е. непреднамеренно.

В исламской доктрине тяжесть совершенного преступления и, соответственно, вид наказания во многом ставится в зависимость от формы вины. Например, убийство подразделяют на 3 вида: абсолютно умышленное – «амд», абсолютно неумышленное – «хата» и промежуточное между умышленным и неумышленным, когда характер преступления трудно установить, – «шубху амд». Российский исследователь мусульманского уголовного права В. Артемов предлагает несколько иную классификацию убийств, подразделяя их таким образом: убийство путем использования оружия, убийство с использованием орудий и предметов, не являющихся оружием, лишение жизни по ошибке или в результате несчастного случая [9]. На наш взгляд, более правильной следует признать первую классификацию убийств, поскольку она в полной мере охватывает все его виды.

По мусульманскому праву, убийство считается умышленным тогда, когда оно совершается сознательно. Цель убийства в данном случае может быть заранее обдуманной или возникнуть в момент его совершения.

Если преступник не преследовал цель убийства, то совершается неумышленное убийство. Орудие или действие, используемые обычно для преступления, не должны были причинить смерть, но случайно ее вызвали.

Убийство «хата» – убийство, совершенное случайно, в результате ошибки, при абсолютном отсутствии мысли об убийстве, но в результате небрежности или халатности. Известный правовед М.И. Садагдар в качестве примера такого убийства приводит случай, когда охотник стрелял в дичь издалека и случайно попал в человека [10].

Если говорить об уголовном законодательстве Иордании, Пакистана и Ливии, то оно считает, что субъективная сторона включает в себя такие элементы, как вина, возраст уголовной ответственности, вменяемость. Положение *о вине как элементе субъективной стороны преступления* более полно закреплено в уголовном законодательстве Иордании, в меньшей степени – в УК Палестины. Четкая формулировка вины в Иорданском уголовном законодательстве отсутствует. Однако из содержания статей, регламентирующих близкие к ней вопросы, можно сделать вывод, что вина понимается как психическое отношение лица к совершенному деянию и его последствиям.

Умышленная форма вины включает в себя следующие моменты:

- 1) осознание характера направленности своего деяния;
- 2) наличие свободного проявления воли в совершенном деянии;
- 3) желание или допущение определенного результата, предусмотренного законом в качестве преступного.

Это вытекает как из содержания норм Особенной части уголовного права тех стран, где отсутствует общее определение данной формы вины, так и из самих определений ее в праве стран, где такие определения сформулированы (например, УК Ирака – ст.33 и 34, УК Ливана – ст.189).

По мусульманскому праву, преступление должно быть непременно совершено для того, чтобы виновный в нем понес соответствующее наказание. Что же касается покушения на преступление, то в мусульманском праве указаний на это условие виновности не найдено. Поэтому при покушении на преступление применяется исправительное наказание («те'-зир»). Всякое преступление рассматривается как таковое лишь в том случае, если оно уже совершено. Равным образом не карается и явный голый умысел совершения преступления.

Российский законодатель называет *две формы вины – умысел и неосторожность*, которые, в свою очередь, делятся на виды. УК Ливана исходит из психологического понятия вины и придает ей важное значение как одному из оснований уголовной ответственности. Так, в данном УК формулируется положение о том, что «ни один индивид не может быть приговорен к наказанию, если он не действовал сознательно и по своей воле» (ст. 210 УК Ливана). Что касается вопроса о неумышленном (неосторожном) преступлении, то оно, с точки зрения материального элемента, в основном совпадает с умышленным. В обеих формах вины требуется совершение волевого деяния и наступление определенных последствий, а также должна быть причинная связь между деянием и преступным результатом.

Отличие между умышленным и неумышленным преступлением заключается в моральном элементе, в реальном отношении лица к содеянному. Если в умышленном преступлении с прямым умыслом должно быть намерение (умысел), направленное на совершение деяния, и желание наступления преступного результата, то в неумышленном преступлении вместо умысла требуется наличие "ошибки" в поведении обвиняемого. По УК ЙР неумышленная форма вины обозначается термином "ошибка". Несоблюдение требований безопасности и осторожности как форма ошибки предусмотрено также в УК Египта, в УК Франции (ст. 221-6).

Покушения на неумышленное преступление не может быть, т. к. трудно предста-

вить, чтобы лицо пыталось совершить преступление, которого оно не желало. Также в принципе невозможно и соучастие в неумышленном преступлении, потому что нельзя обвинить человека в соучастии в преступлении, которое не совершено умышленно.

Но следует иметь в виду, что может быть соисполнительство в неумышленном преступлении, повлекшем наступление вредных последствий. В таких случаях каждый участник несет персональную ответственность за наступление преступного результата, так как признается его исполнителем. При этом ответственность наступает для каждого за неосторожное причинение вреда здоровью или неосторожное причинение смерти. Примером этого может быть случай, когда пассажир, опаздывающий на самолет, просит водителя ехать быстрее, чтобы успеть к отправлению рейса; водитель, выполняя эту просьбу, по пути следования сбивает пешехода, который умирает на месте происшествия. В этом случае, по мнению египетского правоведа Рамсиса Багнама, и пассажир, и водитель считаются исполнителями неумышленного убийства, и бессмысленно, подчеркивает он, обвинять одного из них в исполнительстве, а другого – в соучастии в совершении убийства по неосторожности, так как они своим поведением виновны в наступлении смерти пешехода [11].

Мусульманское уголовное право, как и европейское, рассматривает две формы виновности: умышленную и неумышленную. При наличии или доказанности второй формы наказание в значительной степени смягчается. Неумышленное убийство, например, не называется смертью. Неумышленность, в свою очередь, бывает двоякого рода:

1) когда виновный в преступлении желал причинить потерпевшему вред значительно меньший, чем произошел в действительности (например, удар палкой причинил смерть);

2) когда виновный вовсе не намеревался совершить какое-либо преступление. К ним относится преступление вследствие неосторожности или неисполнения постановления власти или же по неопытности врачей («табиб») и хирургов («джаррах») и т. п.

Деление умыслов на заранее обдуманый и внезапный не присуще мусульманскому праву. Знатоки мусульманского права не касались прямого или косвенного умысла, также они не знали выражения «злой умысел» [12]. Однако это не означает, что шариат не был знаком с понятием «злой умысел» и что в нем не было разграничения между прямым и косвенным умыслом. В действительности в мусульманском законе существовало понятие злого умысла, а также разграничение между прямым и косвенным умыслом со дня его ниспослания. Преступления «совершение ранений» и «побои» не свидетельствуют о том, что человек, наносящий побои или раны, не имеет в своих целях ничего, кроме причинения страданий или наказания. Предполагается, что потерпевшего не постигнет ничего, кроме легкого ранения, незначительных ушибов или причиненной боли. Но вместе с тем преступник не несет ответственности только за последствия, которых он желал или ожидал, так же, как не несет ответственность за результаты, которых не желал или не ожидал. Если побои или ранения привели к повреждению конечности или потере ее трудоспособности, то он за это несет ответственность. Если побои или ранения привели к смерти жертвы преступления, то он ответственен за ее смерть, принимая во внимание то, что его действия являются непредумышленным убийством, а не побоями или ранениями. Шариат возлагает ответственность на лицо, нанесшее побои или ранения, даже если оно не желало или не ожидал таких последствий своих действий. Эта ответственность преступника за свои деяния означает, что его наказывают за косвенный умысел или возможную цель.

В соответствии со ст. 63 УК Иордании прямой умысел – это «желание совершить преступление». Понятие косвенного умысла содержится в ст. 64 УК Иордании: «Преступление считается умышленным, даже если преступные последствия совершенного деяния превзошли намерение исполнителя, если он предвидел их и брал на себя риск их наступления». Иорданский ученый Камель Аль-Саид пишет, что предвидение является

основным условием возникновения желания достижения результата, т. к., по его мнению, трудно представить, что лицо хотело какого-то результата, если оно не предвидело его наступления как следствия совершаемого деяния [13]. Такой подход к понятию прямого умысла нельзя признавать единственно правильным, т. к. нередко желание предшествует предвидению или сопровождает его.

По мнению Хамида аль-Сади, умысел – это намерение совершить предусмотренное законом преступление, то есть направленность воли обвиняемого на достижение результата, запрещенного законом, и при условии, что он знал о результате и о запрещенности его законом [14].

При анализе преступного умысла в арабской юридической литературе выделяются три признака, характеризующие этот умысел.

Во-первых, воля к совершению деяния. Дело в том, что наличие воли является обязательным условием совершения любого преступления. Поэтому, как отмечает Хасан Садик, факт преступления отсутствует, если деяние совершено помимо воли лица, его совершившего [15].

В таком подходе проявляется влияние французской концепции трактовки умысла, которая определяет его как "волю, направленную к определенной цели". Если кто-то во время охоты на птиц своим выстрелом поразил человека, которого он не заметил, т. к. вообще не предвидел нахождения людей в этом месте, и если кто-то на свадьбе своего друга начал стрелять в воздух от радости и попал в кого-то из присутствующих гостей, то в обоих случаях отсутствует злой умысел, и оба обвиняемых ответят лишь за неосторожное убийство.

Итак, если отсутствие желания или воли совершить преступление не позволяет квалифицировать деяние как умышленное преступление, то незнание обвиняемым реальных последствий своих действий снимает лишь вопрос об умысле, а сам факт преступления остается, и обвиняемый отвечает перед законом за неумышленное преступление.

Во-вторых, желание наступления результата. Для установления наличия умысла недостаточно, чтобы обвиняемый хотел совершить посягательство, для этого необходимо доказать, что он желал своим действием наступления преступного результата.

Следует отметить, что умысел присутствует даже в тех случаях, когда преступный результат не наступил по какой-либо причине, например, в случае покушения [16].

В-третьих, предвидение причинной связи. Преступный умысел не ограничивается только волей к совершению преступления или желанием наступления преступного результата. Необходимо также, чтобы совершающий преступление предвидел причинную связь в том смысле, что он предвидел преступный результат как следствие своих действий.

Таким образом, совершенно очевидно, что преступный умысел должен включать волю обвиняемого к совершению преступления и к наступлению преступного результата, а также предвидение причинной связи между совершенным актом и желаемым результатом.

Если все вышеупомянутые элементы умышленного убийства налично, то субъект, совершивший это преступление, заслуживает наказания в виде "кисас" или "дия" (ст. 234 УК ЙР).

Следует заметить, что наказание за преступления против жизни и здоровья по УК ЙР точно определено. Это означает, что при доказанности всех элементов преступления суду остается только огласить наказание по данному делу.

Однако суд имеет право снизить наказание при наличии каких-либо смягчающих обстоятельств, как это предусмотрено ст. 232–233 УК ЙР.

Доказательство формы вины является прерогативой суда первой инстанции. Суд для этого оценивает все обстоятельства и события преступления.

Кассационный суд Египта в одном из своих решений постановил, что внешние следы, с помощью которых доказывается преступный умысел или намерение, могут быть установлены исследованием средств совершения преступления, мест ранения и его размеров [17].

Вместе с тем, согласно ст. 33 УК ЙР, лицо не несет уголовной ответственности, если оно во время совершения деяния было не в состоянии оценивать характер своих действий и их последствия по определенным причинам:

1) душевной хронической болезни, временного душевного расстройства, а также слабоумия;

2) состояния алкогольного или наркотического опьянения, но при условии, что это лицо находилось в таком состоянии вопреки своей воле, если же оно находилось в таком состоянии по своей воле, то оно несет ответственность.

Однако необходимо отметить, что невменяемое лицо не освобождается от уплаты "дия" или штрафа в соответствии со ст. 34 УК ЙР.

По Иракскому уголовному законодательству умысел подразделяется на заранее обдуманый и простой. Заранее обдуманый умысел, согласно статье 33 ч. 3 представляет собой «запланированное обдумывание совершения преступления до его осуществления, не связанное с приступом гнева и психологического возбуждения». Иначе говоря, вина в форме заранее обдуманного умысла понимается как сознательное принятие решения о совершении преступления, если оно не являлось результатом психического раздражения или душевного волнения. Понятие простого умысла сформулировано в статье 33 ч. 1, где указывается, что "преступный умысел заключается в направлении исполнителем своего желания на совершение деяния, составляющего преступление или другой результат преступления".

Сопоставив обе указанные нормы, можно сделать вывод о том, что намерение, возникшее без предварительного обдумывания, плана или способа совершения преступления, будет относиться к простому умыслу.

Что же касается неосторожной формы вины, то в ст. 64 УК Иордании содержится довольно казуистичное определение: уголовно наказуемое деяние признается неумышленным, если преступный результат наступил по легкомыслию, небрежности, несоблюдению законов и правил.

Согласно ст. 35 УК Ирака, преступление является неумышленным, если преступный результат имел место в результате ошибки виновного, независимо от того, была ли ошибка небрежностью, необдуманностью, невниманием, неосторожностью или несоблюдением законов, порядков и постановлений.

Из всего вышеизложенного видно, что понятие неумышленной формы вины нечетко сформулировано. В нем лишь перечисляются различные формы отношения лица к своему поведению, с которыми связывается понятие этой формы вины.

Необходимо отметить, что ошибки, так же, как и цель, предполагают какое-то желание, т. к. желание является необходимым элементом моральной основы преступления. Однако желание в неумышленном преступлении направлено на деяние без ожидаемого виновным результата. Например, охотник выстрелил из своего ружья по птице, но попал в человека и убил его. В данном случае имеется желание произвести выстрел, но не преследуется преступная цель.

Что же касается УК Палестины, то там нет определения ни умышленной вины, ни неосторожной. Эти вопросы решаются, исходя из сложившейся судебной практики, что, на наш взгляд, является серьезным недостатком данного уголовного кодекса. Примером четкой формулировки неумышленной формы вины могли бы послужить УК Ливана (ст. 191) и УК Сирии (ст. 190), где закреплено в целом довольно удачное определение этой формы вины: «Деяние является неумышленным как в тех случаях, когда лицо не предвидело результата своего действия или бездействия, но могло или должно было бы предвидеть, так и в тех случаях, когда оно предвидело этот результат, но полагало, что может его избежать». Это определение, как видно из его содержания, также обнаруживает большое сходство с определением неосторожности по УК РФ (ст. 26).

В данной статье особое внимание было обращено на правовое исследование вины – одного из основных признаков субъективной стороны преступления по мусульманскому уголовному праву, т. к. тяжесть совершенного преступления и, соответственно, вид наказания во многом ставится в зависимость от формы вины. Отличие между умышленной и неумышленной формой вины заключается в моральном элементе, в реальном отношении лица к содеянному.

Как видим, в мусульманском уголовном праве, как и в других аналогичных системах, преследуются цели защиты основных человеческих ценностей, и особенно религиозных устоев.

Некоторые положения основных признаков субъективной стороны состава преступления мусульманского уголовного права можно назвать малоизученными с точки зрения российской юридической науки. Именно уголовное мусульманское право представляет обоснованный интерес вследствие его оригинальности и специфики, поэтому оно заслуживает внимания, изучения, а, возможно, и практической реализации в традиционно мусульманских государствах.

Литература

1. *Хачим Ф.И.* Конституционное право стран Ближнего Востока (Иран, Египет, Израиль, ОАЭ, Ирак). – М.: РУДН, 2001. – С. 16.
2. Уголовный кодекс Йеменской Республики 1994 г. – Сана, 1994.
3. Уголовный кодекс Объединенных Арабских Эмиратов 1987 г. – Абу-Даби, 1987.
4. *Фарид Исаак.* Быть мусульманином в новой Южной Африке. – М.: Ислам сегодня, 2002. – С. 29.
5. *Миролюб Евтич.* Ислам необходимо знать // Свободная мысль – XXI. – 2004. – № 12(1550). – С. 34–37.
6. *Боронбеков С.* Основные ценности Ислама – объекты охраны шариата // Государство и право. – 2003. – № 2. – С. 94.
7. Иран: ислам и власть / под ред. Мамедовой Н.М., Мехди Санаи // М.: Институт востоковедения РАН. – 2001.
8. *Аль Халаса Ашираф.* Понятие преступления по уголовному праву Иордании: дис.... канд. юр. н.: 12.00.08: – М., 2003. – 158 с. РГБ ОД, 61:04-12/213-4
9. *Артемов В.* Мусульманское право. Исторический очерк // Рос. юст. – 1997. – № 10. – С. 22.
10. *Садагдар М.И.* Указ. соч. – С. 119. *Садагдар М.И.* Основы мусульманского права. – М.: Изд-во ун-та дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 1968. – 156 с.
11. *Рамсис Багнам.* Комментарий к Особенной части УК. – Александрия, 1984. – С. 327 (на араб. яз.).
12. *Ахмед Фатхи Сурур.* Изучение уголовного закона. Особенная часть. – Каир, 1985. – С. 551 (на араб. яз.).
13. *Камель аль-Саид.* Комментарии к УК Иордании. Преступления против личности. – Амман, 1991. – С. 44 (на араб. яз.).
14. *Хамид аль-Сади.* Общая теория преступления убийства. – Багдад, 1968. – С. 168 (на араб. яз.).
15. *Хасан Садик аль-Марсвауи.* Принципы уголовной ответственности в законодательстве арабских стран. – Каир, 1972. – С. 66 (на араб. яз.).
16. Решение Кассационного суда Египта. Дело № 93. – Каир, 1996. Сборник правовых правил, ч. 7. – С. 85.
17. Решение Кассационного суда Египта. Дело № 165. – Каир, 1964. Сборник правовых правил, ч. 6. – С. 27.

Поступила в редакцию 11 марта 2012 г.